

ПРЕМЬЕРА

Моск. комсомолец - 1991 - Мамр

ПЕРВАЯ И ЕДИНСТВЕННАЯ

О НА. Родилась в доме № 8 по Трехпрудному переулку, между Бронной и Тверской. Отец — сын священника, европейский филолог, основатель первого в России музея изящных искусств, мать — польской княжеской крови, ученица Рубинштейна. Раннее детство — музыка, потом — революция и море, католичество, бонапартизм, любовь к французским и германским поэтам. Сочинение стихов — с 6 лет. Любимые вещи — музыка, природа, стихи, одиночество. Равнодушие к общественности, театру, пластическим искусствам. Чувство собственности ограничено детьми и тетрадами.

О Н. Родился в семье Лыжина, против духовной семинарии в Оружейном переулке, в семье и зестного художника. Больше всего на свете любил музыку, но потом «вырвал вон из себя». Начал постоянно писать стихи, получая от этого несказанное удовольствие.

Едва знакомые, они стали переписываться. Цветаева жила за границей, практиче-

ски в безвестности, Пастернак — в Москве, уже облаканный поклонниками. Сначала писали о творчестве (оба считали, что их профессия — жизнь), о влюбленности в стихи друг друга, о снах, потом письма все больше стали походить на эпистолярный роман.

«Вы не израсходуетесь, но Вы задохнетесь», — предсказала она ему еще в 23-м году. Как в воду глядела! Он ее гибели не предвидел. Писал же не в сентябре 41-го: «Вчера ночью Федин мне сказал, будто с собой покончила Марина. Я не хочу верить этому... Какая вина на мне, если это так! Это никогда не простится мне».

...Была премьера. В дни, когда Москву лихорадило на улицах и в магазинах, в зале Центрального Дома художника слушали переписку двух поэтов, пересыпанную их стихами. Читали заслуженный артист РСФСР Александр Кутепов и артистка Московской филармонии Наталия Минаева. В зале было многолюдно, но тихо.

После концерта я подошла к Владимиру Юневу — автору вступительного слова.

— Нище как-то сказал: «Мы должны вовсе перестать думать, если не хотим это делать в неволе у языка». По-моему, большой поэт — это такой человек, который чувствует себя свободным в этой неволе. Больше того, он способен диктовать этой неволе свои желания — и тогда она открывает ему свои тайные казематы. Надо ли говорить, что Пастернак и Цветаева — именно такие поэты.

В общении людей существуют разные жанры: эпистолярный — как пишут письма, поэтический — как пишут стихи и т. д. Письма всегда молчат, это интимный жанр. Поэзия молчит — когда она написана, и звучит — когда ее произносят. Перед нами интересное явление — когда и тот, и другой жанр звучат, и мы слышим письма, как слышим поэзию.

— И у Пастернака, и у Цветаевой даже печатное слово — ожно для восприятия. На слух же оно воспринимается с еще большим трудом.

Озвучить их тексты и полтора часа без перерыва читать их публике — на это нужно было решиться.

— Насколько я знаю, работа над этой композицией шла долго и напряженно, больше года — и она увенчалась успехом. Режиссер Рафаэль Клейнер вместе с артистами создали замечательное действо. Живое, быстрое в звучащем слове чувство поэтов актеры доносят даже до неискушенного слушателя — я это чувствовал по реакции зала.

— По-моему, причина такого теплого приема — не только в мастерстве исполнителей которого я ни в коем случае не оспариваю. Причина еще и в самом материале, в его качестве и, как это, быть может, ни покажется странным, его своевременности.

— Да, вы помните — «мой друг, когда-нибудь сделаюсь большим поэтом — благодаря Вам!» Или — «Пастернак, я буду думать о Вас только хорошее, настоящее, большое. — Как через сто лет!»

А он —

«Лицом повернутая к Богу, Ты тянешься к нему с земли, Как в дни, когда тебе итога Еще на ней не подвели»

Слава Богу, нам не побывало ста лет, чтобы оценить их творчество. И, наверное, чем труднее время, тем больше нужны людям бывшие поэты.